

№ 612. — Письмо А. И. Герцену.

8 декабря 1860 [года]. Иркутск.

Друг Герцен! Записка твоя застала меня, когда я кончал прилагаемый ответ в "Колокол". Говорить о моей глубокой, тревожной радости при виде твоего драгоценного почерка было бы лишним. Но она ободрила меня еще и в другом отношении, возбуждая во мне надежду, что слова мои найдут в тебе веру. Это- мое третье письмо к тебе: первое по крайней мере в 20 листов до тебя не дошло, второе листов в 12 взял с собою твой знакомый ***** тому назад три недели (См. выше письмо от 7 ноября 1860 года (№ 610).). Надеюсь, что оно дойдет до тебя, если не прежде, то по крайней мере вместе с этим; оно не кончено, но конец пришлю скоро, благо нашел дорогу к тебе. Все три письма имеют главным предметом Муравьева Амурского, на которого ты с некоторого времени по какому-то странному ослеплению стал нападать жестоко и несправедливо. А между тем, не говоря уже о том, что твои нападения лишены всякого основания и совершенно противны истине, Муравьев, повторяю тебе в третий раз, единственный человек между всеми пользующимися силой и властью в России, которого без малейшей натяжки и в полном смысле этого слова мы можем и должны безусловно назвать нашим.¹ Он - наш по чувству, по мыслям, по всем прошедшим делам, по стремлениям, желаниям и твердым намерениям. Каким же образом ты не узнал его? Ведь право стыдно, Герцен. Если б ты знал, как любит он "Колокол"² и как прискорбен ему всякий промах, компрометирующий его, как симпатично уважает тебя, и как ему горько было услышать твои незаслуженные обвинения, клеветы, раздавшиеся именно в то время, когда восстала против него со всех сторон зависть и подлая интрига под предводительством нашего Philippe Egalite, самого вел. кн. Константина Николаевича З. "Своя своих не познаша", - вот его слова о тебе.

Теперь он оставляет Сибирь и службу, едет за границу и непременно хочет увидеться с тобою⁴. Ты познакомишься с ним и скажешь, что это-человек, полный во всех отношениях: и сердцем и умом и характером и энергиею. Он крепко наш и лучший и сильнейший из нас; в нем-будущность России. Он решил оставить на время службу, несмотря на то, что ему хотят предложить министерство внутренних дел. Он твердо решил не принимать ничего, пока не изменится радикально правительственная система, пока не примется его программа. Программа же в немногих словах следующая: 1. Полное и безусловное освобождение крестьян с землею. 2. Публичное судопроизводство с судом присяжных и подчинение последнему всех служебных чинов по административным грехам, от малого до велика. 3. Образование народа на самых широких основаниях. 4. Народное самоуправление с уничтожением бюрократии и с возможною децентрализацией России, а в Петербурге не конституция и не парламент, а железная диктатура в видах освобождения славян, начиная с воссоединенной Польши, и борьбы на смерть с Австриею и с Турциею.⁵ Вот вся программа

серьезного государственного человека, доказавшего, что он умеет исполнять свои замыслы. Я отвечаю вам за искренность Муравьева, потому что знаю его как своего лучшего друга. Каково же мне, вашему другу, другу вашего "Колокола", честь и влияние которого в России, поверьте, мне не менее дороги, чем вам самим, видеть, как, обманутые, ослепленные, вы проповедуете ложь и клевету, нападая на единственного человека между всеми в России, стоящего, чтобы мы стояли за него горой!

Теперь послушай, Герцен. Если ты мневеришь, в таком случае не печатай моего ответа в "Колокол": ты сумеешь и без него дать Муравьеву полное удовлетворение так, как именно ты должен дать такому человеку, как Муравьев, *sans rcticences et sans equivoques* ("Без умолчаний и без виляний".), соблюдая при том осторожность, чтобы не слишком компрометировать его перед правительством. Но если ты неверишь мне иливеришь только вполонину, так что в душе твоей будут оставаться сомнения, тогда именем всего того, что нас связывало и связывает, я требую от тебя, чтобы ты напечатал без выпусков весь мой ответ, и если это покажется необходимым, пожалуй, хоть и за моей подписью. Есть случаи, когда осторожность и все другие соображения должны итти к чорту. Напечатание ответа моего будет сопряжено, я знаю, с большими неудобствами. Во-первых, оно может еще на несколько лет приковать меня к Сибири; во-вторых преждевременно компрометирует Муравьева перед правительством и нас всех в лице Петрашевского перед русскою публикою; наконец сильно компрометирует "Колокол", так грубо, так нелепо, так самоубийственно ошибающийся. А все-таки я требую напечатания, если в своем сердце и в своем уме ты не найдешь другого средства дать Муравьеву полное удовлетворение. Во всяком деле, как в деле чести, один поступок той или другой стороны ведет за собою необходимо неприятные, часто тяжелые последствия для обеих сторон, но от этих последствий ни та, ни другая сторона не имеют права отказаться. Ты напечатал нападение, печатай же и ответ или сознайся громко, что ты был подло обманут и непростительным образом ошибся. Вот чего я жду от твоей справедливости, от твоего благородства, наконец, от твоей преданности общему делу. Ты-наш судья, Герцен, это-правда, но вместе с тем вспомни, что и мы-твои судьи: между нами солидарность взаимной ответственности, которой ни ты, ни мы разорвать не можем.

Но довольно об этом частном случае, поговорим вообще о положении "Колокола" б. Со всех сторон слышно, что в последнее время "Колокол" много утратил влияния. Одна из причин такого падения заключается без сомнения в ложных корреспонденциях: двух-трех таких промахов, как в отношении Муравьева и Вос[точной] Сибири, достаточно, чтоб убить ваше издание. Вы должны соблюдать большую осторожность в выборе ваших корреспондентов. Говорят, что Россия оттаивает, но под льдом всегда много навоза, а навоз воняет. Вполне русская жизнь, вполне русские мелкие интриги и страсти, вполне родная вонючая грязь, отстой подлых интересов и мелкого, но неумолимого тщеславия - пошлость, зависть, ненависть, пустота и сухость мертвого сердца и великодушные фразы, мелкие дела и громкие слова, - все это теперь просится наружу и, так как другого свободного органа кроме вашего до сих пор еще нет, все это стремится в "Колокол". А скрыться под маскою либерализма и демократизма ныне не мудрено⁷. Кто не знаком с благородными словами и фразами! Они стали так дешевы, так безопасны и безвредны, так часто кстати и некстати слышатся во всех углах даже в Сибири, что право произносить их самому как-то становится стыдно. Казенный либерализм, казенный демократизм, - все слова, слова да слова, а за

ними такая гнусная, мелочная действительность, что становится тошно. Слова в России действуют на меня как рвотное: чем эффектнее и сильнее, тем тошнее. Верить должно только тому, в ком есть залог, что слово у него перейдет в дело; в отношении же других я поступил бы так: чем краснее кто сказал слово, тем выше построил бы я для него виселицу. Многие ли из ваших корреспондентов способны, готовы к благородному делу, к которому, кажется, обязывают их великодушные фразы? А вы их слушаете. Вы взяли на себя трудную, почти неисполнимую обязанность: в Лондоне судить лица, действующие в России. Пока действовали все люди, вам знакомые, времен николаевских, Клейнмихели, Орловы, Закрепские, Панины⁸ etc. etc., вам было легко, но теперь выступают на арену люди, вам очень мало или совсем неизвестные. Вы должны их судить по данным, присланным вам из России. Кто вам поручится за верность данных? Не должны ли же вы иметь несколько единомыслящих людей в России, знающих край я одаренных практическим талантом и смыслом, в добросовестности и в справедливости которых вы были бы уверены как в своих собственных и которые бы проверяли и укрепляли своим свидетельством все известия, вам посылаемые? Иначе вы будете всегда обмануты и потеряете всякую силу в России. А таких людей ведь не легко найти между пишущей братьей, даже между остатками наших бывших кружков: большая часть из них окончены, помертвели и живут и действуют и болтают как мертвые между мертвыми.

Странное явление представляет ныне русская публичная жизнь, официальная и неофициальная! Это-царство теней, в котором подвиги живых людей двигаются, говорят, кажется мыслят и действуют, а между тем не живут. Есть в них риторика всех страстей, нет страсти, нет действительности, ни общего преобладающего характера, ни характеров. Все - литература, писание да болтание, а ни капли жизни и дела; нет ни к чему действительного интереса. И говорить даже ни с кем не хочется, потому что наперед знаешь, что из слов не выйдет дела. Литературе теперь лафа, это- ее царство. Панаевы⁹ торжествуют и пишущая братия бьет себя страстно в пустую грудь, а грудь издает громкий звон, потому что в ней нет сердца; в головах полированные засушники с готовыми категориями и словами, а не живой производительный мозг; в мышцах нет силы, а в жилах нет крови - все тени, красноречивые, пустозвонные тени, и сам между ними становишься тенью. Они ведут теперь мелочную торговлю с помощью небольшого капитала, собранного Станкевичем, Белинским, тобою, Грановским, они спят, бредят вслух, размахивая руками, и только тогда пробуждаются к чувству действительности, когда затронуто их лицо, их тщеславие, единственная действительная страсть между так называемыми людьми порядочными точно так же, как карманная страсть исключительно преобладает во всех прочих слоях русской публики¹⁰. От теней ли ждать чудес? А между тем Россия может быть спасена только чудесами ума, страсти да воли. Я ничего не жду от известных в литературе имен, верю же в спящую силу народа, верю в среднее сословие, - не в купечество, оно гнилее даже дворянства, - но в фактическое, официально непризнанное среднее сословие, образующееся постоянно из отпускных людей, приказчиков, мещан, поповских детей, - в них сохранились еще и русский сметливый ум и русская удалая предприимчивость; верю также, что в самом дворянском сословии кроется много("На этих словах оканчивается первый лист письма. Затем второй, другого формата, но нумерованный "2"-начинается, как напечатано далее, представляя в начале вариант окончания первого листа". (Примечание М. Драгоманова.) наполненный тщеславным самообольщением. Странное зрелище представляет ныне русская публичная жизнь, официальная и неофициальная! При Николае

можно было предположить, что она заключает в себе много невыясненных тайн, много сдержанных, спертых сил. Теперь она открыта, и что же мы видим? Это - царство теней, в котором подвиги живых людей говорят, двигаются, кажется мыслят и действуют, а между тем не живут. Есть в них риторика всех страстей, нет страсти, нет действительности, нет ни характера, ни характеров. Все литература, многописание, многоболтание, но ни капли жизни и дела. Нет ни к чему действительного интереса, кроме [как] к себе, так что и сам между ними становишься тенью, и даже говорить ни с кем не хочется, потому что чувствуешь, что никому нет ни до чего дела, и знаешь .наперед, что из слов никогда не выйдет дела. Литературе теперь лафа, это-ее царство. Панаевы торжествуют, и пишущая братия бьет себя страстно в пустую грудь, и грудь издает громкие звуки, потому что в ней нет сердца. В головах полированные засушники с готовыми категориями и словами, а не живой производительный мозг; нет силы в мышцах, нет крови в жилах-все тени, красноречивые, пустословные тени. Теперь они ведут мелочную торговлю с помощью небольшого капитала, собранного Белинским, тобою, Грановским, они спят, бредят вслух, размахивая руками, и только тогда пробуждаются к чувству действительности, когда затронуто их лицо; их тщеславие, - единственная действительная страсть между людьми, называющимися порядочными, точно так же, как карманная страсть преобладает во всех прочих слоях русской публики.

От теней ли ждать чудес? А между тем Россия может быть спасена только чудесами ума, страсти, воли. Страшна будет русская революция, а между тем поневоле ее призываешь, ибо она одна в состоянии будет пробудить нас из этой губительной летаргии к действительным страстям и к действительным интересам. Она вызовет и создаст, может быть, живых людей, большая же часть нынешних известных людей годна только под топор. Таково мое убеждение. Я спрашиваю даже: много ли уцелело из наших? Деятельность утомляет, сжигает людей, но русская обыденная пошлость их стирает и стаптывает. Тургенев (Иван Сергеевич.), Кавелин, Корш¹¹-живые ли люди? Ваших прочих друзей и знакомых я не знаю, жизнь сохранилась ли в них? Мне обещают, что в нынешнюю весну я получу позволение ехать в Россию; буду искать людей: для меня это-интерес первостепенный.

Здесь кроме Муравьева я узнал еще одного человека, это - молодого генерала Николая Павловича Игнатьева ¹², сына санкт-петербургского генерал-губернатора и, если я не ошибаюсь, твоего знакомого, Герцен. Он возвращается теперь из Китая, где он наделал чудес. С ¹⁹ казаками, в виду английского и французского посланников лорда Ельгина (Эльджин.) и барона Gros¹³ с их армиями, он сумел сыграть самую блистательную, первую роль и извлечь для России наибольшие выгоды, несравненно большие, чем сами французы и англичане. О трактате, им заключенном, вы узнаете из газет, но о чем не услышите, это - о беспримерном варварстве английских, особливо же французских войск в Китае. Первые довольствовались большею частью грабежом и состоят притом по преимуществу из сипаев, но вторые, чистые французы, по всей дороге до Пекина насильствовали женщин и потом топили, убивали их, отрезывали у них ноги. Этим воспользовались русская сметливость и русская дисциплина: во главе ¹⁹ казаков Игнатьев явился как спаситель Китая, и теперь мы стали уже совершенно крепкою ногою на Тихом океане. Но возвратимся к Игнатьеву. Это-человек молодой, лет тридцати, вполне симпатичный и по высказываемым мыслям и чувствам, по всему существу своему, смелый, решительный, энергичный и в высшей степени способный.

Он честолюбив, но благородно-горячий патриот, требующий в России реформ демократических и со-вне политики славянской, одним словом - с легкими различиями того же, чего требует Муравьев. Они сошлись и будут действовать заодно. Вот с такими-то людьми не худо бы вам было войти в постоянные сношения; они не резонерствуют, мало пишут, но зато много знают, и-редкая вещь в России - много делают¹⁴.

Теперь что скажу вам о себе, друзья?

Я намерен вскоре послать вам подробный журнал моих *faits et gestes* ("Дел и поступков".) со времени нашей последней разлуки в Avenue Marigny ("Авеню Маринки", улица в Париже, на которой жил в 1847-48 годах А. И. Герцен.), а теперь окажу только несколько слов о своем настоящем положении. Просидев год в Саксонии, сначала в Дрездене, потом в Konigstein (Кенигштейн - город и крепость в Саксонии.), около года в Праге, около пяти месяцев в Ольмюце, все в цепях, а в Ольмюце и прикованный к стене, я был перевезен в Россию. В Германии и Австрии мои ответы на допросы были весьма коротки: "Принципы вы мои знаете, я их не таил и высказывал громко; я желал единства демократизированной Германии, освобождения славян, разрушения всех насильственно сплоченных царств, прежде всего разрушения Австрийской империи; я взят с оружием в руках--довольно вам данных, чтобы судить меня. Больше же ни на какие вопросы я вам отвечать не стану" ¹⁵.

В 1851 году в мае я был перевезен в Россию, прямо в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин, где я просидел 3 года. Месяца два по моему прибытию, явился ко мне граф Орлов от имени государя: "Государь прислал меня к вам и приказал вам оказать: "скажи ему, чтоб он написал мне, как духовный сын пишет к духовному отцу". Хотите вы писать?" Я подумал немного и размыслил, что перед *juré* (Жюри, суд присяжных.), при открытом судопроизводстве я должен был выдержать роль до конца, но что в четырех стенах, во власти медведя, я мог без стыда смягчить формы, и потому потребовал месяц времени, согласился и написал в самом деле род исповеди, нечто вроде *Dichtung und Wahrheit* ("Вымысел и правда".); действия мои были впрочем так открыты, что мне скрывать было нечего. Поблагодарив государя в приличных выражениях за снисходительное внимание, я прибавил: "Государь, вы хотите, чтоб я вам написал свою исповедь: хорошо, я напишу ее; но вам известно, что на духу никто не должен каяться в чужих грехах. После моего кораблекрушения у меня осталось только одно сокровище: честь и сознание, что я не изменил никому из доверившихся мне, - и потому я никого называть не стану". После этого, а *quelques exceptions pres* ("За немногими изъятиями".), я рассказал Николаю всю свою жизнь за границу, со всеми замыслами, впечатлениями и чувствами, причем не обошлось для него без многих поучительных замечаний насчет его внутренней и внешней политики. Письмо мое, рассчитанное во-первых, на ясность моего по-видимому безвыходного положения, с другой же - на энергический нрав Николая, было написано очень твердо и смело и именно потому ему очень понравилось. За что я ему действительно благодарен, это [за то], что он по получении его ни о чем более меня не допрашивал¹⁶.

Просидев три года в Петропавловской [крепости], я при начале войны в 1854 году был перевезен в Шлиссельбург, где просидел еще три года. У меня открылась цинготная [болезнь] и выпали все зубы. Страшная вещь-пожизненное заключение: влачить жизнь без цели, без надежды, без интереса; каждый день говорить себе: "сегодня я поглупел, а

завтра буду еще глупее"; с страшною зубною болью, продолжавшеюся по неделям и возвращавшеюся по крайней мере по два раза в месяц, не спать ни дней, ни ночей; что бы ни делал, что бы ни читал, даже во время сна чувствовать какое-то беспокойное ворочание в сердце и в печени с *sentiment fixe*: ("Постоянное чувство".) я раб, я мертвец, я труп! Однако я не упал духом. Если бы во мне оставалась религия, то она окончательно рушилась бы в крепости. Я одного только желал: не примиряться, не резинироваться, не измениться, не унизиться до того, чтобы искать утешения в каком бы то ни было обмане 17, сохранить до конца в целости святое чувство бунта.

Николай умер, я стал живее надеяться. Наступила коронация, амнистия. Александр Николаевич собственноручно вычеркнул меня из поданного ему списка, и когда спустя месяц мать моя молила его о моем прощении, он ей сказал: "*Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra, il ne pourra jamais etre libre*" 18 ("Сударыня, доколе сын Ваш будет в живых, он свободен не будет"). После чего я заключил с приехавшим ко мне братом Алексеем условие, по которому я обязывался ждать терпеливо еще месяц, по прошествии которого, если б я не получил свободы, он обещал привезти мне яду. Но прошел месяц, - я получил объявление, что могу выбрать между крепостью или ссылкой на поселение в Сибирь. Разумеется, я выбрал последнее. Не легко досталось моим освобождение меня из крепости. Государь с упорством барана отбил несколько приступов; раз вышел он к кн. Горчакову (министру иностр[анных] дел) с письмом в руках (именно тем письмом, которое в 1851 г[оду] я написал Николаю) и сказал: "*mais je ne vois pas le moindre repentir dans cotte lettre*" (Но я не усматриваю в этом письме ни малейшего раскаяния.)-дурак хотел *repentir*! (Раскаяние19.). Наконец в марте 1857 года я вышел из Шлиссельбурга, пробыл неделю в 3-ем Отделении и по высочайшему соизволению сутки у своих в деревне, а в апреле был привезен в Томск. Там прожил я около двух лет, познакомился с милым польским семейством, отец которого Ксаверий Васильевич Квятковский служит по золотопромышленности. В версте от города, на даче или, как говорится в Сибири, на заимке Астангово жили они в маленьком домике тихо и по-старосветски. Туда стал я ходить всякий день и предложил учить французскому языку и другому двух дочерей, сдружился с моею женою, приобрел ее полную доверенность; я полюбил ее страстно, она меня также полюбила, - таким образом я женился я вот уже два года женат и вполне счастлив. Хорошо жить не для себя, а для другого, особенно если этот другой - милая женщина. Я отдался ей весь, она же разделяет и сердцем и мыслью все мои стремления. Она - полька, но не католичка по убеждению, поэтому свободна также и от политического фанатизма: она-славянская патриотка. Ген.-губ. Западной Сибири Гасфорд без моего ведома выхлопотал мне высочайшее соизволение на вступление в гражданскую службу,- первый шаг к освобождению из Сибири, но я не мог решиться воспользоваться им: мне казалось, что надев кокарду, я потеряю свою чистоту и невинность. Хлопотал же я о переселении в Восточную Сибирь и насилу выхлопотал; боялись для меня симпатии Муравьева, который приезжал в Томск отыскать меня и явно, публично высказал мне свое уважение. Долго не соглашались, наконец согласились20. В марте 1859 г [ода] я переселился в Иркутск, вступил в службу только что образовавшейся Амурской компании; ездил в следующее лето по целому Забайкалью, а в начале 1860 года оставил компанию, убедившись, что в ней прока не будет. Теперь ищу службу по золотопромышленным делам у Бенардаки; до сих пор еще дела мои не увенчались полным успехом, а хотелось бы обойтись без помощи братьев. Они не .богаты; к тому [же], не ожидая петербургского решения, они фактически освободили своих крестьян с землею и

производят все работы наемным трудом, что сопряжено с большою тратою капитала. Как бы то ни было, живу я здесь в обстоятельствах довольно стесненных, но надеюсь, что дела мои скоро поправятся.

Пора в Россию. До сих пор все старания Муравьева выхлопотать мне право возвращения были безуспешны. Тимашев и Долгоруков (У Драгоманова напечатано Долгорукий.), основываясь на каких-то сибирских, доносах, считают меня человеком опасным и неисправимым²¹. Впрочем Муравьев уверен, что ему удастся освободить меня ныне весною. Теперь я сильно надеюсь на успех, и ехать в Россию стало для меня действительно необходимою. Я не рожден для спокойствия, отдыхал поневоле столько лет, пора опять за дело. Деятельность моя в Сибири ограничилась пропагандою между поляками,- пропагандою "прочем довольно успешною: мне удалось убедить лучших и сильнейших из них в невозможности для поляков оторвать свою жизнь от русской жизни, а потому и в необходимости примирения с Россиею; удалось убедить также и Муравьева в необходимости децентрализации Империи и в разумности, в спасительности славянской федеративной политики. Теперь надо в Россию, чтобы искать людей; вновь познакомиться со старыми и открыть новых, чтобы ознакомиться живее с самою Россиею и постараться угадать, чего от нее ожидать можно, [чего] (Это слово вставлено видимо по смыслу М. Драгомановым.) нельзя. Странно будет, если внутреннее движение, возбужденное крестьянским вопросом, вместе с внешним, порожденным невидимому Наполеоном, в сущности же - далеко не умершею революциею, которой Наполеон-только один из органов 22, странно, говорю я, если все это вместе не расшатает Россию. Будем надеяться, пока есть возможность надеяться, а до тех пор, друзья, прощайте.

Преданный Вам

М. Бакунин.

С будущим письмом пришлю письмо к другу Рейхелю и приложу мой портрет.

Вы без сомнения захотите ответить мне. В таком случае, прошу вас, присылайте ваши письма через верных путешественников в Петербург или на имя Николая Павловича Игнатьева или...

Комментарий

Но 612. - Напечатано в "Письмах" Бакунина Драгомановым (стр. 63- 74). Оригинал хранится в семейном архиве Герценов в Лозанне.

Это письмо является ответом на какую-то записку Герцена, полученную Бакуниным в начале декабря 1860 г. в Иркутске. Совершенно очевидно, что записка не стоит ни в какой связи с письмом Бакунина от 7-15 ноября, которое Герцен никак не мог получить до писания упомянутой записки (от Иркутска до Лондона письму требовалось не меньше двух месяцев, да обратно столько же). Вернее всего, что благодаря массовому возвращению ссыльных поляков на родину установились надежные связи с Восточной Сибирью, а Герцену через

своих польских друзей ничего не стоило переправить Бакунину записку. К этому его могли побудить рассказы возвратившихся ссыльных поляков о житье-бытье Бакунина в Сибири, дошедшие до Герцена, а может быть и переданный ему через них поклон Бакунина. Как бы то ни было, но для нас ясно, что Бакунин получил от Герцена весточку раньше, чем тот письмо от него (если не считать записочку от лета 1858 г., напечатанную нами под No 604).

1 Итак здесь Бакунин во-первых устанавливает тождество между своею тогдашнею программю и умеренно-дворянскою программю Герцена-Огарева, а во-вторых - между своею программю и программю Муравьева, которая даже и от умеренного герценовского либерализма далеко отстояла. Все это не свидетельствует в пользу ясности и революционности тогдашних политических взглядов Бакунина и представляет огромный шаг назад в сравнении с тем, что он говорил в 1848-1849 гг.

2 А между тем по признанию самого Бакунина только за обещание пожаловаться в "Колокол" Петрашевский был выслан из Иркутска в глухое захолустье, которое Бакунин изображает в виде рая.

Филипп Эгалитэ (Равенство) - революционная кличка герцога Орлеанского, Луи Филиппа Жозефа (1747-1793); он заигрывал с духом времени, приспособляясь к буржуазному характеру новой Франции; при дворе его ненавидели, а Мария Антуанета была его смертельным врагом; во время революции он примкнул к ней против абсолютизма; двор выслал его за это в Англию; вскоре после его возвращения оттуда король Луи XVI был низложен, и престол стал вакантным. Герцог Орлеанский объявил себе сторонником крайней левой, был избран членом Конвента, переименовал имя герцога Орлеанского на Филипп-Равенство, голосовал за казнь короля и т. п. По-видимому втайне он стремился к захвату вакантного королевского престола и возбудил подозрение искренних демократов. Измена генерала Дюмурье окончательно его погубила; преданный суду революционного трибунала, он был осужден и гильотинирован в тот же день.

3 Константин Николаевич (1827-1892) - великий князь, второй сын Николая I; в 1849 г. участвовал в венгерском походе, в 1850 г. назначен членом Гос. Совета, в 1852 г. товарищем морского министра, в 1853 г. управляющим морским министерством. Разыгрывал либерала и видимо мечтал таким путем достигнуть престола (поэтому Бакунин и сравнивает его с Филиппом Эгалитэ). Официальный журнал министерства "Морской сборник" сделался при нем чуть ли не либеральным органом (здесь Завалишин и печатал свои статьи против Муравьева Амурского). Стоял за освобождение крестьян при удовлетворении интересов помещиков, участвовал в отмене телесных наказаний, смягчении цензуры, в издании закона о всеобщей воинской повинности и пр.; по существу все это означало стремление к объединению дворянства с крупной буржуазией для упрочения монархии. Действительную цену своего либерализма он показал своею двойственною и демагогическою политикою в Польше, куда в 1862 г. был послан в качестве наместника. В 1865 г. был председателем Гос. Совета, но не пользовался влиянием, так как большинство правящего класса стояло за безусловную реакцию. Со вступлением на престол Александра III был как "либерал" устранен от дел и прожил последние годы в своем крымском имении в стороне от политики.

4 По-видимому это была попытка снискать благоволение Герцена, к которому впрочем заезжали тогда на поклон многие сановники. Но это обещание Муравьевым исполнено не было; насколько известно, он у Герцена не побывал (да и с Бакуниным, как читатель узнает в шестом томе настоящего издания, встретился за границею весьма холодно).

5 Эта программа дворянского авантюризма далеко отстает даже от программ, выставившихся тогда умеренными либеральными группами, не говоря уже о действительных революционерах вроде кружка Чернышевского, о котором Бакунин вообще не упоминает, а если, как увидим ниже, я упоминает, не называя его, то в отрицательном духе. И эту программу Бакунин считал своею и притом самую передовую из тогда существовавших! Невелики же были тогда его политические требования.

6 Но пообещав перейти к другой теме, Бакунин все-таки снова заговаривает о Муравьеве и повторяет свои аргументы в его пользу.

7 Только к Муравьеву Амурскому Бакунин не применил этого золотого правила, а оно спасло бы его от многих ошибок.

Любопытно, что Муравьев около того же времени дает оценку "Колоколу" приблизительно в тех же выражениях. Так в письме к М. С. Корсакову от 30 апреля/12 мая 1861 г. (цит. соч. Барсукова, том I, стр. 629) отставной сановник пишет: "Герцен в глазах моих совершенно себя уронил своей неосновательностью и диктаторскими своими приговорами; то и другое вместе стало уже смешно: у него, как видно, нет никакой цели; и хотя изредка являются дельные статьи, полезные тем, что государь прочтет то, чего другим путем узнать не может, но эти дельные статьи затемняются множеством клеветы, и всякое доверие к нему исчезает".

8 Клейнмихель, Петр Андреевич (1793-1869)-русский государственный деятель реакционного направления, сын павловского холопа и любимца, служил в гвардии, в 1812 т. был адъютантом Аракчеева, который в 1816 г. произвел его в полковники и сделал его в 1817 г. начальником штаба поселенных войск; на этом посту Клейнмихель проявил страшный произвол и зверскую жестокость, за что все время повышался в чинах: в 1842 г. член Гос. Совета, с 1842 по 1855 главноуправляющий, а затем министр путей сообщения и публичных зданий. Отличался расточительностью при возведении казенных сооружений, а также взяточничеством и бесчеловечным отношением к рабочим. В 1855 г. уволен с оставлением членом Гос. Совета.

Орлов, Алексей Федорович, граф и князь (1786-1861)-русский военный и государственный деятель, внебрачный сын Ф. Г. Орлова, одного из убийц Петра III; во время восстания декабристов, будучи командиром л.-гв. конного полка, выказал верность Николаю и повел, хотя неудачно, своих солдат в атаку на инсургентов. С тех пор сделался приближенным Николая I, возведен в графское достоинство; в турецкую войну командовал кавалерийскою дивизиею, в 1833 г. был полномочным послом при султানে, в 1835 г. членом Гос. Совета. После смерти А. Бенкендорфа в 1844 г. назначен шефом жандармов и главным начальником III Отделения и оставался во главе политической полиции до 1856 г. На этом посту проявил все свои таланты душителя. В 1856 г. был представителем России на Парижском конгрессе,

а по заключении мира назначен председателем Гос. Совета и Комитета министров, получив княжеский титул.

Закревский, Арсений Андреевич, граф (1783-1865)-русский военный и полицейский деятель; из захудалой дворянской семьи, выдвинулся благодаря близости к гр. Н. М. Каменскому; принимал участие в финляндской, турецкой и Отечественной войнах. В 1823 г. ген.-губ. Финляндии, в 1828 г. член Гос. Совета и министр внутренних дел. После холеры 1831 г. ушел в отставку, но в 1848 г. в разгар реакции снова призван к власти, назначен членом Гос. Совета и московским генерал-губернатором. На этом посту объявил войну всем проявлениям общественной самодеятельности и довел полицейский террор до крайних размеров. Ярый крепостник, никак не мог приспособиться к условиям первых лет нового царствования и в 1859 г. вышел в отставку.

Панин, Виктор Никитич, граф (1801-1874)-русский государственный деятель реакционного направления; служил по министерству иностранных дел, а затем в министерстве юстиции. В 1839 г. назначен управляющим министерством юстиции, а в 1841 г. министром юстиции; на этом посту оставался до 1862 г., развив в судах взяточничество и беззаконие до крайних размеров. С 1860 г. был председателем редакционных комиссий, в каковых старался посылить проводить политику крепостнической партии. Однако полностью приостановить крестьянскую реформу его партии и ему не удалось: им пришлось пойти на компромисс и ограничиться посылным ухудшением освобождения крепостных. В 1864-1867 гг. был главноуправляющим 2-го Отделения с. е. и. в. канцелярии.

9 Панаев, Иван Иванович (1812-1862) - русский писатель и публицист, учился в благородном пансионе при Петербургском университете; до 1845 г. состоял на службе, с 1847 г. начал издавать вместе с Н. А. Некрасовым журнал "Современник". Литературная деятельность его началась с 1834 г.; он писал рассказы, стихи, публицистические фельетоны. Был одно время близок к В. Белинскому. Оставил воспоминания об эпохе 40-50-х годов. Главное его право на память потомства - издание радикального "Современника".

10 Здесь Бакунин повидимому говорит о кружке "Современника", на что наводит упоминание имени Панаева, который вместе с Некрасовым был издателем этого радикального журнала. Великий дипломат Бакунин, дабы тем вернее заполучить Герцена на свою сторону в деле обеления Муравьева, льстит своему приятелю и повторяет по существу содержание его статьи "Very dangerous!!!", напечатанной в No 44 "Колокола" от 1 июня 1859 г. и направленной против радикального кружка "Современника" (через несколько лет Бакунин впрочем высказался иначе и признал в учениках Чернышевского истинных революционеров). Более того, можно предполагать, что в момент писания данного письма Бакунин уже был знаком и со второю статьею Герцена против кружка "Современника", напечатанной под заглавием "Лишние люди и желчевики" в No 83 "Колокола" от 15 октября 1860 г. Это видно как по времени, так и по двум замечаниям: 1) о тщеславии неназываемых им писателей, в данном случае Чернышевского, беседу с которым передает в означенной статье Герцен, и 2) о карманной страсти публики, в которой можно усмотреть намек на Некрасова, выходкою, против которого как против мошенника и вора и кончается эта статья Герцена.

11 Корш, Евгений Федорович (1810-1867)-журналист и переводчик; по окончании университета служил по министерству внутренних дел; с 1835 по 1841 г. был библиотекарем университета, с 1842 по 1848 г. редактором ("издателем") "Московских Ведомостей". В 30-х и 40-х годах он был членом московского литературного кружка, к которому в разные времена примыкали В. Белинский, А. Герцен, Т. Грановский; всегда был умеренным либералом обывательского типа; постепенно с оставшимися в России членами кружка "западников" вроде Грановского, Щепкина, Кетчера и т. п. все более правел, пока не приблизился к консерваторам типа Каткова 50-х годов. В 1858-1859 гг. издавал журнал "Атеней". С 1862 по 1892 г. был библиотекарем Публичного и Румянцевского музеев. Известен более всего своими переводами.

12 Игнатъев, Николай Павлович, граф (1832-1908)-русский государственный деятель; происходя из чиновной семьи, быстро сделал карьеру: в 27 лет был уже генералом; учился в Пажеском корпусе и Академии генерального штаба, но рано оставил военную службу для дипломатической. Пробыв около года военным агентом в Лондоне, был назначен начальником военно-политической миссии в Хиву и Бухару, а в 1859 г. послан в Китай для проведения ратификации Айгуйского договора Китаем. В 1864 г. назначен посланником в Константинополь, где проводил политику угроз и застрашивания; в своих публичных заявлениях выступал в роли воинствующего панслависта в казенно-захватническом духе: был одним из провокаторов русско-турецкой войны 1877 г., показавшей банкротство игнатъевской политики. В 1879-1880гг. был временно нижегородским генерал-губернатором, в 1881 г. министром государственных имуществ, а затем министром внутренних дел, призванным положить конец революционному движению. На этом посту подготовил переход от политики вынужденного лицемерия царизма к политике открытой реакции, от Лорис-Меликова к Д. Толстому, для каковой цели не постеснялся извлечь из старого славянофильского арсенала идею Земского Собора для парализования конституционных требований либеральной части русского общества, но и от этой мысли быстро отказался, когда увидел, что и она вызывает враждебное отношение сторонников полной реакции. Он же явился организатором еврейских погромов на юге для борьбы с революционным движением-орудие, которым широко воспользовалось самодержавие впоследствии. При нем введено было Положение об усиленной и чрезвычайной охране, действовавшее с 1881 по 1917 г. После 1882 г. он уже не играл видной политической роли.

13 Эльджин Джемс Брюс, граф (1811-1863)-английский государственный деятель; был членом палаты общин, в 1842 г. губернатором Ямайки, в 1846 г. губернатором Канады, в 1857 г. послан был в Китай. Узнав о восстании сипаев, Эльджин направил свой эскорт в Индию, сам же захватил Кантон и принудил китайцев подписать тяньцзинский трактат. По возвращении в Англию был в 1859 г. назначен начальником почтового ведомства, но в 1860 г. вернулся в Китай, чтобы прекратить нарушение тяньцзинского трактата. При произведенном европейскими войсками разгроме Китая он захватил огромную часть добычи из разграбленного летнего дворца богдыхана. В 1862 г. назначен генерал-губернатором Индии.

Гро, Жан Батист Луи, барон (1793-1870)-французский дипломат; в дипломатическом ведомстве начал работать с 1823 г.; получал различные миссии: в Египет, Мексику, Боготу, Лаплату, Англию, Афины. Посланный в 1857 г. в Китай, подписал в 1858 г. тяньцзинский

трактат, а затем в Иеддо торговый договор с Японией. В 1859 г. сенатор; затем посылается для заключения мира с Китаем после войны 1860 г.; в 1862- 1863 гг. был послом в Англии.

14 В примечании к этому месту Драгоманов ("Письма" М. А. Бакунина, стр. 70), ссылаясь на рассказ А. Н. Муравьева, известного путешественника в Иерусалим, помещенный в "Русской Старине" 1882, том XII, стр. 644-646, напоминает, что гр. Игнатъев, будучи в то время директором азиатского департамента в м-ве внутренних дел, принимал активное участие в навязывании М. Н. Муравьева Александру 11, не любившему его, на роль диктатора в Вильне. Эта протекция вешателю по словам Дра-гоманова доказывает, что уже в 1863 г. Игнатъев отказался от своих взглядов 1861 г. По нашему мнению у него никогда и не было никаких прогрессивных взглядов, а их ему навязал Бакунин, которому достаточно было пары фраз в панславистском духе (а на них Игнатъев был мастер) для того, чтобы зачислить их автора по своему ведомству ("наши").

15 Это изложение не совсем точно: на самом деле Бакунин как в Саксонии, так и в Австрии давал показания более подробные, временами даже детальные, занимающие многие десятки страниц. Но по существу он излагает дело верно: его показания носят приблизительно такой характер, и если иногда он показывал подробнее, то лишь для того, чтобы выгородить кого-либо из сопроцессников или запутать следователей, но никогда не для того, чтобы предать кого-нибудь или облегчить собственную участь (хотя и не полностью, показания эти опубликованы в томе II "Материалов для биографии Бакунина"; некоторые изложены в книге Чайхана: фотоснимки с саксонских показаний имеются в Институте Маркса, Энгельса, Ленина). Даже в "Исповеди", как мы знаем, он старался никого не называть, чтобы не дать жандармам материала, а если кое-где приводит имена, то обыкновенно таких людей, которые уже были осуждены или находились вне пределов досягаемости вследствие отъезда в Америку я т. п.

16 И это место довольно близко соответствует действительности. См. общие замечания в комментарии к "Исповеди" (№ 547).

17 Здесь Бакунин явно имеет в виду распространившиеся было одно время слухи, будто он в крепости стал христианином и пиетистом. См. выше комментарии к № 548.

18 О факте личного свидания матери Бакунина с Александром II ничего неизвестно. Здесь какая-то путаница. См. комментарий к № 574 в связи с новым прошением Бакуниной об освобождении сына.

19 Здесь Бакунин излагает факты совершенно неточно и сознательно путает даты, что впрочем вполне понятно, так как ему было чрезвычайно неприятно сообщать друзьям действительные условия своего выхода из тюрьмы. Первая и основная неточность его рассказа заключается в том, что он пытается убедить своих друзей, будто освобождение его из крепости произошло вследствие хлопот его родных, тогда как на самом деле все эти хлопоты оставались безрезультатными до тех пор, пока царизм не вырвал у него заявления о раскаянии. Неточно изложен и инцидент с умыслом на самоубийство. Мы знаем, что в одной из записок, тайком переданных Бакуниным родным на свидании в феврале 1854 г. (см. № 566) он просил у Татьяны и Павла доставить ему средства покончить с собою в

случае неудачи их хлопот об его освобождении; но срок ожидания там не указан (об этом мог быть впрочем разговор на личном свидании). Указание Бакунина относится по-видимому не к этому обстоятельству, а ко времени его последнего свидания с Алексеем, имевшего место в конце ноября 1856 года: но ведь освободили-то Бакунина не через месяц после этого разговора, а через три (в марте 1857 г.). Равным образом рассказ этот не может относиться к свиданиям с Алексеем в январе 1856 г. и в августе того же года, хотя казалось бы, что слова Бакунина о первом свидании после неудачи прошения, поданного матерью в марте 1855 г., указывали бы на свидание в январе 1856 г. Словом тут у Бакунина одна неточность следует за другой.

20 И по этому пункту, до сих пор не разъясненному, Бакунин выражается нарочито туманно. Кто согласился, как, когда, при каких условиях, неизвестно.

21 Таких доносов в "Деле" о Бакунине не имеется, а потому мы думаем, что предположение его насчет роли доносов в его оставлении в ссылке ошибочно. Уже после побега Бакунина Долгоруков отправил 24 ноября 1861 г. отношение провинившимся сибирским чиновникам, в котором писал, что царь "тем менее мог ожидать снисходительности к Бакунину, что поведение его в Сибири не соответствовало той милости, которая была ему дарована освобождением из крепости, о чем неоднократно было мною сообщено графу Муравьеву-Амурскому и вследствие чего повторные ходатайства графа об облегчении его участи не были удовлетворяемы". На какие провинности Бакунина намекает Долгоруков, решительно непонятно. Напротив, как мы видели, отзывы о Бакунине давались сибирскими чиновниками самые благоприятные. Поэтому приходится допустить, что признак нераскаянности жандармы усматривали именно в попытках Бакунина вырваться так скоро из ссылки. Догадывались ли жандармы, что Бакунин добивается свободы для продолжения революционной деятельности, мы не знаем, но это возможно. Из текста письма видно, что Бакунин надеялся вскоре добиться с помощью Муравьева права возвращения в Россию, чтобы там "искать людей". Вряд ли ему удалось бы долго оставаться там на почве той умеренно-путаной программы, которую он излагает в письмах ж Герцену.

22 Речь идет об императоре французов Наполеоне III и о том брожении, какое вызвано было в Европе и в частности во Франции его вмешательством в национальный конфликт между Пьемонтом и Австрией. Со времени австро-французской войны 1859 года в Европе начинается политическое оживление, охватившее почти все страны и докатившееся даже до России.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 16 декабря 2025 14:29:38

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 16 декабря 2025 14:31:28